

Глаза королевы

1572-й год. Британией правит молодая королева Елизавета I. Но ее сила и мудрость не могут стать преградой на пути государственным переворотам и испанскому наступлению. Сокровищница Британии почти опустошена, народ раздираем религиозными раздорами, почти весь христианский мир ополчен на страну. Елизавета нуждается не только в острие меча и кровопролитии, но и в скрытности и секретности. Этим оружием становится Секретная служба её величества во главе с харизматичным тайным агентом Джоном Ди. Он служит лишь истине и своей королеве.

Елизавете угрожает опасность: на нее готовится покушение. Исполнитель — знаменитый наемный убийца и меткий стрелок Джеймс Гамильтон, которого сподвигнул на это сам папа римский. Теперь Джону Ди предстоит остановить испанский флот, спасти государство, разрушить целую шпионскую сеть и спасти королеву — женщину, которую он запретил себе любить, но ради которой готов рискнуть своей жизнью.

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ ДЭНА БРАУНА
И КЕНА ФОЛЛЕТТА

ИЛЛАЗА

КОРОЛЕВЫ

ОЛИВЕР
КЛЕМЕНТС

КСД

OLIVER
CLEMENTS

THE EYES
OF THE QUEEN

A Novel

ОЛИВЕР
КЛЕМЕНТС

ГЛАЗА
КОРОЛЕВЫ

Роман

ХАРЬКОВ
2022 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9542-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

First published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.

Переведено по изданию:
Clements O. The Eyes of the Queen / Oliver Clements. — New York : Leopoldo & Co, 2020. — 304
р.

Перевод с английского *Игоря Толока*

1572 рік. Британією править молода королева Єлизавета I. Але її сила й мудрість не можуть стати перешкодою для державних переворотів та іспанського наступу. Скарбниця Британії майже спустошена, народ роздирають релігійні розбрати, майже весь християнський світ ополчився на країну. Єлизавета потребує не тільки вістря меча і кровопролиття, а й потайності та секретності. Цією зброєю стає Секретна служба її величності на чолі з харизматичним таємним агентом Джоном Ді. Він служить лише істині та своїй королеві.

Єлизаветі загрожує небезпека: на неї готують замах. Виконавець — знаменитий найманий убивця та влучний стрілець Джеймс Гамільтон, якого спонукав на це сам папа римський. Тепер Джон Ді має зупинити іспанський флот, захистити державу, зруйнувати цілу шпигунську мережу і зберегти королеву — жінку, яку він заборонив собі любити, але заради якої готовий ризикнути життям.

Клементс О.

К48 Глаза королевы : роман / Оливер Клементс ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 320 с.

ISBN 978-617-12-9375-5

ISBN 978-1-5011-5469-0 (англ.)

1572 год. Британией правит молодая королева Елизавета I. Но ее сила и мудрость не могут стать преградой на пути государственным переворотам и испанскому наступлению. Сокровищница Британии почти опустошена, народ раздираем религиозными раздорами, почти весь христианский мир ополчен на страну. Елизавета нуждается не только в острие меча и кровопролитии, но и в скрытности и секретности. Этим оружием становится Секретная служба ее величества во главе с харизматичным тайным агентом Джоном Ди. Он служит лишь истине и своей королеве.

Елизавете угрожает опасность: на нее готовится покушение. Исполнитель — знаменитый наемный убийца и меткий стрелок Джеймс Гамильтон, которого сподвигнул на это сам папа римский. Теперь Джону Ди предстоит остановить испанский флот, защитить государство, разрушить целую шпионскую сеть и сберечь королеву — женщину, которую он запретил себе любить, но ради которой готов рискнуть жизнью.

УДК 821.111

© Leopoldo & Co, 2020

© DepositPhotos.com / vova130555 @gmail.com, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2022

Посвящается моей матери Андреа Валерии, жившей во множестве параллельных реальностей одновременно, в бесконечности разных вселенных, которые замысловато переплетались и сливались в ее сознании. Она манипулировала своей реальностью, самостоятельно высекая ее форму и убирая все лишнее: она была великим скульптором, но предметом ее творчества была сама жизнь. Она всегда говорила, что астрология — это поэтическая сестра астрономии, и Джон Ди определенно соглашался с ней в этом.

Я всегда гордился, что был ее учеником и последователем.

Леопольдо Гоут

Глава 1

Сен-Марсо, Париж. 24 августа 1572 года

Все начинается со звона колокола в ночи — он всегда знал, что именно так и будет.

— Ох, ради всего святого, да что это еще теперь? — вздыхая, ворчит жена. — Я еще и глаз не сомкнула, а уже вставать.

— Тс-с-с, — шепчет он в ответ. — Еще не рассветает. Попробуй заснуть, это скоро прекратится.

Но не тут-то было. Колокол продолжает звонить, зловеще и настойчиво, и в конце концов Фрэнсис Вальсингам оставляет в постели свою крайне раздраженную беременную жену с непомерно большим животом, а сам идет к окну.

Опустив задвижку, он через невысокие крыши соседских домов смотрит на север, в сторону города, откуда и слышится этот набат.

— Это доносится от дворца Сен-Жермен, — говорит его дочь. Она тоже уже проснулась на своей выдвинутой постели, которую днем прячут под кровать родителей.

— У тебя хороший слух, — шепотом замечает он.

— А что случилось? — спрашивает она. — Мне снились плохие сны.

Он успокаивает ее какими-то невразумительными фразами, а сам наощупь ищет свой дублет¹.

— Фрэнсис? — окликает его жена.

— Я вернусь к рассвету, — заверяет ее он.

Выйдя в коридор, он находит там своего помощника и агента Оливера Фэллоуза; тот уже оделся и держит в руке зажженную свечу. Этот красивый молодой человек с рыжеватыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой — сын Джона Фэллоуза, старинного друга Вальсингама; парню двадцать лет, и он вдвое моложе своего начальника.

— Рад тебя видеть, Оливер, — начинает Вальсингам. — Ты только что снизу поднялся или успел просочиться с улицы?

Несмотря на тревогу, которую нагоняет звон колокола, Фэллоуз смеется.

— Работаем, сэр, — врет он.

Вальсингам тоже смеется.

Чего, кстати, не делал уже много дней.

— Как думаете, что это такое? — спрашивает Фэллоуз.

— Ничего хорошего.

По узким ступенькам они спускаются вниз, где их, готовясь открыть засов входной двери, с масляной лампой в руке ждет привратник — приземистый француз, реформат по вероисповеданию. Все трое выходят во внутренний двор и, застыв в теплом августовском воздухе, некоторое время молча смотрят на усыпанное звездами ночное небо Парижа.

— Это не пожар, — глубокомысленно замечает привратник. — Ночью пожар виден за много лье, да и запах дыма тоже сразу чувствуется.

— Что же тогда? — спрашивает Фэллоуз. — Какой-то религиозный праздник?

— С утра будет День святого Варфоломея, — сообщает им привратник. — Но это не то, явно не то.

Фэллоуз переходит на осторожный шепот:

— А не может это быть из-за Колиньи? Или для этого еще слишком рано?

Вальсингам и сам в первый момент со страхом подумал о том же: что колокол звонит по Гаспару де Колиньи, вождю французских протестантов-гугенотов, вдруг скончавшемуся от ран. Два дня назад его пытались убить выстрелом из аркебузы откуда-то из окна верхнего этажа, но пуля лишь задела локоть и оторвала один палец. От этого он точно не должен был умереть — разве что началось бы заражение крови.

А может, это все-таки произошло?

Если да, то теперь уже никто не знает, что будет дальше. Станут ли гугеноты сразу же искать возможность отомстить католикам? Или же католики упредят их и сами атакуют гугенотов первыми? Париж сейчас — это пороховая бочка. Как и вся Франция. Да что там Франция — весь христианский мир на данный момент напоминает пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту.

— Нет, — говорит Вальсингам Фэллоузу. — Послушай: моя дочь права. Это колокол на королевской часовне Сен-Жерменского дворца. Католики никогда не стали бы оплакивать Колиньи.

Фэллоуз соглашается с ним, но думает, что эти рассуждения все равно не помогают им понять, что происходит.

В этот момент к набату присоединяется второй колокол, а через миг — еще один.

«Господи Иисусе, — думает Вальсингам, — да они просто передают сигнал».

Внутри у него все холодеет. Так вот оно что. Все-таки случилось то, чего они больше всего боялись.

— Отправьте кого-нибудь разбудить сэра Филиппа, — говорит он привратнику. — А также Тьюлиса и всех его людей. Скажите им, чтобы не зажигали огни и не выпускали никуда женщин.

Привратник что-то ворчит себе под нос, но идет будить сэра Филиппа Сидни, секретаря Вальсингама, и Тьюлиса, командира его охраны. Вальсингам поворачивается к Фэллоузу.

— Оливер, — доверительным тоном говорит он, — прежде чем все это приобретет совсем уж уродливую форму, нам необходимо кое-что сделать. Можешь раздобыть где-нибудь пару шпаг, — а также любое другое оружие, если получится, — и как можно быстрее встретиться со мной у конюшен?

Фэллоуз удивленно поднимает брови:

— Мне вызвать отряд охраны?

— Нет, — отвечает Вальсингам. — Лучше, если нас будет только двое. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Фэллоуз бросает на него испытующий взгляд.

— Это как-то связано с госпожой Коше? — спрашивает он.

Вальсингам с трудом сдерживает улыбку. «Ах, — думает он, — еще один из нас попал под действие чар Изабель Коше».

— Нет, — отвечает он. — Надеюсь, она останется в Лувре. Там она будет в безопасности, что бы ни произошло.

«Да уж, Изабель Коше будет в безопасности, куда бы она ни пошла и что бы ни случилось», — думает он. Или надеется, по крайней мере: в конце концов, это ведь он послал ее в Лувр подслушивать у каждой двери и заглядывать в каждую замочную скважину; следовательно, если с ней что-то случится, тогда именно ему, Фрэнсису Вальсингаму,

придется лично объяснять ее маленькой дочке, — которой сейчас, наверное, лет шесть, — что мать ее погибла: точно так же он когда-то был вынужден рассказывать и самой Изабель, что ее муж был убит у него на службе.

Вскоре после этого он встречается с Фэллоузом у освещенных факелом конюшен позади резиденции, на глазах у нерешительно мнущегося конюха. Вальсингам надевает непривычную для себя португую и вставляет шпагу в ножны, после чего, сопровождаемый Фэллоузом, выводит лошадь во двор.

Во дворе уже стоит сэр Филипп Сидни: он без шляпы, и волосы его слегка взъерошены.

— Что происходит? — с тревогой спрашивает он.

— К вам переходит командование резиденцией, — сообщает ему Вальсингам. — Мы с Оливером вернемся примерно через час, самое большее — через два. Если нас не будет дольше, вы знаете, что делать.

Все сжечь и эвакуировать резиденцию. Да, да. Он все знает. Но все равно озабоченно хмурится.

— А не могу я поехать вместо вас? — спрашивает он, впрочем, уже зная, каков будет ответ.

Вальсингам вскакивает в седло.

— Великодушно с вашей стороны, сэр Филипп, но это...

Он трогает поводья.

Все трое прекрасно его понимают.

— Готов? — спрашивает он у Фэллоуза.

Фэллоуз молча кивает.

Когда открываются ворота, на улице по-прежнему темно, но небо на востоке кроваво-красного цвета с зеленоватыми тенями; теперь в Париже звонят уже все колокола. Они выезжают на дорогу по направлению к Малому мосту, и ворота позади них закрываются.

Сен-Марсо — спокойный район Парижа, где живут в основном приверженцы реформатской веры; и это все, что Вальсингам может позволить себе в качестве ежедневного «рациона общения». Сейчас встревоженные местные жители стоят вдоль дороги, прислушиваются к колокольному звону и расспрашивают друг друга о новостях; через открытые двери домов в глубине их жилищ смутно белеют постели, из которых они только что выбрались.

Очень скоро все выясняется: Вальсингам и Фэллоуз не успевают проехать и сотни шагов, как появляется скачущий во весь опор всадник — стража у ворот Сен-Марсель бросается от него врассыпную.

— Они убили Колиньи! — кричит он. — Католики! Они выбросили его из окна! Теперь они идут сюда, убивая всех на своем пути! Бегите! Бегите! Именем Господа! Они всех вас перебьют!

Он не останавливается, продолжая выкрикивать на ходу. Повсюду поднимаются вопли и крики, и соседи Вальсингама бросаются по своим домам.

Вальсингам прищипривает лошадь, направляя ее к мосту; Фэллоуз следует рядом.

— Куда мы едем, сэръ? — спрашивает он. — И что собираемся делать?

— В Нотр-Дам, — отвечает Вальсингам. — Нужно увидеть священника.

В первых утренних лучах дорога перед ними заполняется сплошным потоком бегущих навстречу людей. Их лошади начинают нервничать. Вальсингам продолжает пробираться вперед сквозь толпу.

— Назад! — кричат ему.

— Сюда идут католики!

Но Вальсингам и Фэллоуз двигаются дальше наперекор разрастающейся толпе, и вот уже они минуют первые городские ворота. Ловушка, должно быть, это ловушка. Все в нем говорит: разворачивайся и беги. Дорога впереди сужается между высокими домами. Все так же звонят колокола, и по-прежнему мимо них торопливо проталкиваются мужчины и женщины — сейчас их уже сотни. Кто-то одет в самое лучшее, кто-то — прямо из постели; все несут в руках то, что смогли унести, — в основном детей.

— Они отрубили ей руки! — плачет какая-то женщина. — Они отрубили руки моей матери! — Она поднимает вверх свои руки, словно удивляясь, что они еще на месте.

— Они просто... *мясники!*

— Воры!

— Зверье!

Ярость Вальсингама как будто приобретает физическую форму, похожая на кляп, который затыкает ему горло, мешая дышать. Как они

могут? Они же католики! Как они могут нападать на своих единоверцев-христиан и резать их, как свиней осенью? Ему хотелось бы очутиться сейчас у себя на родине, в Англии, подальше от этих папских чудовищ с их ненасытной жаждой крови и извращенными религиозными предрассудками. Он давно боялся, что здесь может произойти нечто подобное.

Рядом с ним в напряженном молчании скачет заметно побледневший Фэллоуз.

Тяжелый дух беды они ощущают, еще не доехав до моста, — кровь. Она заполняет каждую трещинку между камнями, издавая знакомый специфический запах меди. Это смущает их лошадей, они начинают топтаться на месте и мотать головой.

— Давай же, — подбадривает Вальсингам свою лошадь, а заодно и лошадь Фэллоуза. — Мы должны проехать мост, пока его не закрыли.

Но они опоздали. Дорога впереди пустеет. А большие ворота с южной стороны Малого моста уже закрыты. Город заперт изнутри. И да поможет Господь тем, кто оказался в этой западне.

Фэллоуз ждет, надеясь, видимо, что Вальсингам повернет назад, но тот еще не сдался.

— Попробуем по реке, — говорит он.

Он ведет их на восток по улице Бушри, улице мясных лавок, где запах старой крови на булыжниках мостовой заглушает запах свежей.

— Здесь, — командует он, и они спешиваются.

Заведя лошадей в какой-то более или менее закрытый дворик, они привязывают их к столбу, а сами идут в другую сторону и по каменным ступеням спускаются к воде. Уже совсем светло, и поэтому им прекрасно видно, как какие-то люди на острове Ситэ прямо в тени колокольни собора Нотр-Дам сталкивают в реку тело мертвой женщины. Она голая, и у нее одна рука. Когда труп падает в Сену, эти люди замечают их и машут им отрубленной рукой. Затем они, смеясь и издавая одобрительные возгласы, шагают вдоль берега и затягивают какую-то песню, слова которой Вальсингам разобрать не может. Они размахивают рукой той несчастной, будто это кадило, а они по весне окуривают границы своего церковного прихода, хотя на самом деле они ищут, кого бы им убить еще.

Вальсингама тошнит, но он сдерживает приступ рвоты.

Берег реки здесь очень грязный и неухоженный. Они находят вытащенную на сушу лодку, которая спрятана под покосившимся деревянным навесом. Хозяин, видимо, сбежал вместе со всеми остальными.

В лодке лежит весло и шест для отталкивания, и они поспешно волокут ее в быстрые и бурные воды Сены.

— Господин, вы уверены? — спрашивает Фэллоуз.

— Мы должны это сделать, — отвечает ему Вальсингам.

Еще один толчок, и лодка уже на плаву. Вальсингам берет шест, Фэллоуз — весло, и они выруливают на течение. Здесь глубоко, и Вальсингам не достает до дна своим шестом. Фэллоуз энергично работает веслом, как венецианский гондольер, но их все равно сносит на запад в сторону моста. По поверхности плывет мертвое тело. Это не собака. Человек. Он толстый и голый, а кожа на спине лопнула от ударов хлыстом.

Справа ярко светит солнце над неровным контуром громадного собора и крыш домов острова Ситэ в двадцати шагах от них.

Слава богу, с моста их не заметили, когда они проскользнули в одну из арок, коснувшись бортом огромной опоры. В этой внезапно возникшей темноте Вальсингам хватается за цепь, вмурованную в стену, и они быстро выскакивают из лодки, увязая в тине. Здесь пахнет дерьмом. Затем они затаскивают лодку с течения в самый темный закоулок, где рассчитывают найти ее, чтобы вернуться обратно. Вальсингам жалеет, что не перекусил.

Чуть дальше по берегу они видят ступени, ведущие к приделу собора, но, прежде чем подняться по ним, Вальсингам останавливается.

— Оторви полоску ткани от рубахи, — говорит он Фэллоузу.

Перед этим он обратил внимание, что у всех тех людей на правой руке выше локтя был повязан простой белый платок — вероятно, это отличительный знак. У каждого к шляпе также был приколот белый крест, но с этим Вальсингам ничего поделать не может. Они с Фэллоузом отрывают нижние края своих рубах и повязывают эти лоскутки друг другу на руки, а закончив, разглядывают, что из этого получилось.

— Я похож на католика? — спрашивает Вальсингам.

Фэллоузу удается усмехнуться в ответ.

Потом он осторожно касается руки Вальсингама, и тот, зная, о чем его хотят спросить, предупреждает вопрос:

— Я знаю, что со стороны это выглядит безумием, Оливер, и я бы никогда не попросил тебя сделать это, если бы... если бы все будущее Англии сейчас не висело на волоске. Но ситуация именно такова. Если нам не удастся сегодня проникнуть в собор, мы упустим прекрасный шанс совершить одно большое и очень важное доброе дело.

Он двигает рукой, как будто ловит этот невидимый шанс.

— И что же это? — не понимает Фэллоуз.

Вальсингам понимает, что должен дать своему агенту нечто большее, чем просто смутные намеки, но секретность — его вторая натура. Ему трудно рассказать больше, и он должен принуждать себя сделать это.

— Речь идет о кое-каких сведениях, — торопливо начинает он, сознавая, что если остановится, то дальше уже не продолжит. — Из бортового журнала корабля адмирала да Сильвы.

Фэллоуз напряженно прищуривает глаза. Он уже готов недоверчиво уточнить имя португальского адмирала, но в последний момент останавливает себя. В этот миг он очень похож на мальчика, а в следующий — на юношу с накладной бородой.

— Выходит... Так вот что мы, оказывается, искали? — тихо говорит он.

Вальсингам молча кивает, словно не доверяя словам, произнесенным вслух.

После секундного размышления Фэллоуза посещает новая догадка:

— А как... как вы пришли к этому?

На самом деле здесь целых два вопроса: «Как вам удалось додуматься до этого так, чтобы я не знал?» И: «Можно ли доверять этим сведениям?»

— Мы поговорим об этом потом, — произносит Вальсингам. — Но сейчас мы должны добыть это, прежде чем покинем Париж навсегда.

Фэллоуза удалось убедить. Это хорошо.

— Тогда вперед.

Они начинают подниматься по лестнице, но на середине пути видят кровь, которая течет сверху: медленно заполняя углубления на стоптанных камнях, она льется со ступени на ступень. Эти лужицы приходится перешагивать. На самом верху их ожидает некое подобие

ада: здесь лежит целая гора обнаженных трупов, и из нижних под весом верхних ручьем сочится кровь. Чуть дальше между ними и лестницей собора площадка перед храмом превратилась в настоящую бойню, где хорошо вооруженные мужчины беснуются в неистовстве резни и зверских убийствах. Они кромсают живых и мертвых чем попало — секачами мясника, алебардами и топорами дровосека, — расчлняя тела обеими руками, сосредоточенно и яростно, стараясь перещеголять друг друга, как будто дело происходит на ярмарочном конкурсе и они своей доблестью пытаются произвести впечатление на подружек.

На ступенях храма, чуть повыше самых больших луж крови, стоят многочисленные церковники собора Нотр-Дам. На них парадные красные одежды, они вынесли дароносицы и, пока кадилыщики размахивают своими кадилами, хором поют благодарственный гимн *Te Deum*²; но острый запах крови забивает фимиам, а пения не слышно из-за криков умирающих.

— Господи милостивый! — вырывается у Фэллоуза, и он судорожно прикрывает рот рукой.

С окружающих улиц сюда поступают все новые жертвы — их тянут за волосы, за ноздри, за ноги. Некоторые уже мертвы, иные продолжают кричать — голые, причитающие, захлебывающиеся рвотой. На огороженной территории собора повсюду нагромождены груды трупов, вокруг которых разливается красный шлейф. Вальсингам вдруг чувствует, что сапоги его промокают, и, опустив глаза, видит, что стоит в глубокой луже крови.

— Пойдем, — командует он.

Они идут вперед через все это адское пекло. Вальсингам понимает, что ему никогда не забыть натужное кряхтенье мясников и тот звук, с которым разрубается человеческая плоть. Он никогда не забудет эти лица — как убийц, так и их жертв. Не забудет удушливый, будто в покойницкой, сложный смрад — крови, пота и дерьма.

По мере приближения к главной лестнице собора он различает слова гимна: хор поет славу Господу. Здесь сквозь запах крови уже пробивается дым фимиама.

Их появление на ступенях храма не остается незамеченным. Один из прислужников с луврской кухни — он и в самом деле служит там мясником — вышел передохнуть от своей нелегкой работы

и освежиться из бутылки дешевого красного вина, которое любит пить по утрам; он сразу обращает внимание на двух подозрительных мужчин, движущихся в собор, так сказать, против течения. Ему кажется, что он узнал английского посланника, которого помнит по тем временам, когда тот еще служил королю и отказывался есть конину. Подтолкнув локтем напарника, он хватается свой мясницкий тесак, лезвие которого стало сине-черным от запекшейся крови, а рукоятка — по этой же причине — липнет к ладони, и они вдвоем направляются к новым визитерам, оставляя кровавые следы на камне.

Вальсингам и Фэллоуз входят в собор через маленькую дверцу в самых больших западных дверях. Дверца эта громко захлопывается у них за спиной, и они погружаются в гнетущую погребальную тишину нефа. Здесь никого нет, однако внезапно рядом с ними возникает человек с тонкими губами и бледным лицом, сияющим в полумраке, как молодая луна. Трудно сказать, священник это или кто-то еще. Вальсингам окунает пальцы в чашу со святой водой и крестится по-католически. Фэллоуз копирует его действия. Похоже, это убеждает священнослужителя. Вальсингам замечает, что у Фэллоуза на лбу осталось розовое пятно. «Дверная ручка, — думает он. — На дверной ручке была кровь».

Он говорит священнику, что хотел бы помолиться в базилике святой Клотильды.

— Она закрыта, месье, — отказывает им священник.

Предложенная монета оказывается в состоянии открыть базилику, но только ненадолго.

Священник провожает их в боковую часовню с левой стороны. Они оставляют следы на каменных плитах пола. В базилике расположен надгробный камень в память о каком-то давным-давно умершем канонике, а свет попадает внутрь через высокое окно с красивым витражом из цветного стекла. Небольшой алтарь застелен покрывалом, но кроме этого здесь больше ничего нет.

— Что мы здесь делаем? — снова шепчет Фэллоуз.

Священнику не терпится заработать еще монету.

— Отвлеки его, сможешь? — отвечает Вальсингам. — Хотя бы на несколько секунд. Иначе нам придется его убить.

Они слышат, как вновь хлопает дверь, через которую они вошли, сообщая, что пришел или уходит кто-то еще.

Фэллоуз приближается к священнику и заговаривает с ним на латыни, хотя этот язык он знает не очень хорошо.

— Можно исповедоваться?

Глаза священника вспыхивают в предвкушении наживы, и Фэллоуз следует за ним из базилики, чтобы Вальсингам не мог их слышать. Перед выходом он искоса бросает взгляд на Вальсингама, который наклоняется, чтобы опуститься перед алтарем. Там расположен секретный тайник.

Фэллоуз встает на колени перед священником и старается вспомнить, что нужно говорить в таких случаях; ему это удается, и, когда он наконец произносит необходимые слова, священник благословляет его и начинает задавать вопросы. Фэллоуз не исповедовался со времен кончины королевы Марии, но в этом он, конечно, признаться тут не может. Поэтому он начинает выдумывать всякие мелочи, однако пастору это неинтересно: ему хочется покопаться в настоящих грехах, тех, которых люди стыдятся больше всего, и поэтому он напоминает Фэллоузу, что таинство исповеди исключает какое-либо стеснение.

— Вожделение, сын мой?

Он уже собирается отрицательно покачать головой, но в последний момент думает: «Господи! Изабель Коше».

Священник словно читает его мысли.

— Женщина? — продолжает давить он.

Фэллоузу остается только кивнуть. А чего он ожидал? Он слышит чьи-то шаги в храме у себя за спиной. Уверенный топот сапог по мраморным плитам пола.

— Кто она? — настаивает священник. Фэллоуз с отвращением чувствует у себя на лице его дыхание — от него пахнет чесноком, мясом и вином. — Она замужем?

— Нет, — усмехается Фэллоуз. — Она вдова.

— Вдова? — разочарованно переспрашивает пастор.

Он явно не желает слушать про какую-то пожилую даму. Но Изабель Коше совершенно не такая, и Фэллоузу хочется сразу же заявить об этом. Однако, когда он задумывается о том, как ее описать, в голове возникает лишь короткая вспышка ее улыбки, изящная линия губ, вопросительный взгляд. Нет, не только это, а еще и форма ее шеи, плеч, бедер, то, как она смеется. Аромат, который остается в воздухе,

когда она проходит мимо. «Боже мой», — думает он и густо краснеет, вспомнив, как смотрел там, на берегу реки, на выбившийся локон ее темных волос в лучах весеннего солнца. Он и видел ее всего-то несколько раз, и всегда в обществе Вальсингама, всегда в Лувре. Хотя нет: была еще одна встреча в их резиденции в Сен-Марсо, а потом еще и тот случай, на берегу реки. Когда он впервые увидел ее, жизнь его кардинально изменилась, и с того момента он уже постоянно помнил, что где-то есть эта замечательная женщина — иногда близко, иногда далеко. Она была неким центром притяжения, вокруг которого он теперь вращался. Он, конечно, понимал, что возле нее должны быть и другие, его братья по несчастью, однако не испытывал к ним враждебности.

«Интересно, — думает он, — если сейчас начать поправлять одежду, это не нарушит таинство исповеди?» Сейчас для этого явно не время.

А священнику меж тем хочется узнать, не сбрасывал ли Фэллоуз свое семя, думая об этой женщине, как делал это Онан из Ветхого Завета. И снова Фэллоуз едва сдерживает смех.

— Оливер?

Фэллоуз оборачивается. Это Вальсингам.

— Мы должны идти, — говорит тот.

— Погодите! — резко бросает священник и хватается Фэллоуза за запястье на удивление крепкой рукой.

Однако Фэллоуз уже заметил фигуры двух человек, возникших позади Вальсингама.

— Господин! — кричит он.

Вальсингам поворачивается.

Высвободив руку, Фэллоуз избавляется от священника, который падает на пол, и выхватывает свою шпагу. В божьем храме? А почему бы и нет?

Мужчины перед ними вымазаны и забрызганы кровью. Один — с тесаком — обут в деревянные башмаки, клоги. У второго, на котором кожаный фартук кузнеца, в руке огромный нож — своего названия у этого орудия нет, но такими удобно пользоваться на скотобойнях. У обоих на правой руке повязаны белые тряпки, все в пятнах крови.

— Я знаю тебя! — кричит Вальсингаму тот, что в клогах и с тесаком. Вальсингам его не узнает, но догадывается, откуда у него мог появиться такой знакомый.

— Неприкосновенность убежища в храме. — Вальсингам пытается напомнить им о том, где они находятся. Человек с тесаком сбит с толку и, не понимая, насколько это убедительный довод, озадаченно смотрит на священника.

— Они англичане, — отвечает тот с пола, утирая разбитый при падении нос. — Гугеноты.

Фэллоуз никогда в жизни никого умышленно не ранил, а убивать ему не приходилось вовсе. Однако человек в клогах движется на него так быстро, что выбора нет. Он отскакивает назад и от правого колена наносит хлещущий удар шпагой по лицу нападающему. Тот левша, а потому надеялся неожиданно обрушить свой тесак на голову Фэллоузу, но клинок шпаги глубоко входит ему в запястье, и тесак, взлетев высоко в воздух, с лязгом падает на каменный пол в отдалении. Человек пронзительно кричит. Фэллоуз резко отступает в сторону и, пропустив противника на шаг мимо себя, вонзает острие своего оружия ему в печень. Мясник снова кричит, после чего выгибает спину и валится на колени, едва не вырвав шпагу из руки Фэллоуза. Мужчина в кузнецком кожаном фартуке разворачивается и бросается наутек.

— Проклятье! — вырывается у Вальсингама, и он бежит за ним вдогонку.

Фэллоуз присоединяется к нему, но беглец быстр; к тому же он понимает, что от скорости сейчас зависит его жизнь. Проворный, как терьер, он, срезая угол, бросается наискосок через неф и с размаху плечом распахивает дверь на улицу. Они не успевают его догнать.

Добежав до этой двери, Фэллоуз и Вальсингам обмениваются взглядами.

— Вы забрали это? Ну, то, за чем мы пришли? — спрашивает Фэллоуз.

Вальсингам кивает и хлопает себя рукой по дублету на груди.

— Тогда пойдем отсюда.

— Только не этой дорогой.

— Конечно.

Из западного крыла храма они бегут к алтарю. Священник здесь уже вопит во весь голос. Большинство слугителей сейчас на улице, наблюдают за кровавой бойней, но на его отчаянные крики все равно сбежалось достаточно народу, чтобы выяснить причину переполоха.

— Мы ведь не можем его убить, не так ли? — спрашивает Фэллоуз, который, похоже, вошел во вкус.

— Тебе, возможно, придется это сделать, — отвечает Вальсингам. — Но я — официальный посланник ее величества королевы Англии при дворе короля Карла. И если меня поймут на этом...

О таком варианте сейчас лучше не думать.

— Это будет самой незначительной из наших проблем, — говорит Фэллоуз, глядя через плечо. Сквозь открывшиеся западные двери в собор спешит множество людей, и вдобавок они слышат громкий шум голосов снаружи.

— Господи Иисусе...

Оба срываются с места и бегут. Где-то здесь должен быть еще выход — через ризницу или боковые двери трансепта³.

За спиной у них слышатся крики и громкий топот ног: толпа французов врывается через двери и бежит по нефу вслед за ними.

«Господи, — думает Вальсингам, — все складывается очень плохо». Можно так и не выяснить, стоило ли им настолько рисковать, — до этого они могут просто не дожить. Они останавливаются под высоким сводом, над которым находится колокольня. С каждой стороны расположено по высокому окну. В южное ярко светит солнце, а от северного тянет сквозняком. Там есть боковая дверь, и она открыта.

Они бросаются туда.

— Плавать умеешь? — спрашивает Вальсингам.

— Ни чуточки, — признается Фэллоуз.

— Я тоже, — отзывается Вальсингам. — Всю жизнь обещал себе выучиться.

Выскочив в тень собора с северной его стороны, оба тяжело дышат. Здесь тоже гора трупов, только стаскивает их сюда толпа женщин и мальчиков; двое мужчин в стороне ждут, готовясь грузить мертвые тела на телегу. Чуть дальше, шагах в пятидесяти отсюда, тянется вереница домов, а дальше опять река.

— Старайся выглядеть естественно, — говорит Вальсингам.

Фэллоуз, едва не рассмеявшись, пытается следовать совету, но получается плохо: их подчеркнута ровная напряженная походка только вызывает подозрение. Мальчишки поднимают на них глаза: они сразу чувствуют их уязвимость, несмотря на то что Вальсингам и Фэллоуз держат в руках обнаженные шпаги.

Вальсингам поправляет белую повязку на руке, чтобы обратить их внимание на нее.

— Гугенотское отребье! — презрительно бросает он, кивая на гору мертвых тел.

Но он не может удержаться и через плечо оглядывается на двери собора. В этот момент оттуда появляется первый из преследующих их французов. Он очень похож на старшего брата убитого ими человека.

Они опять бросаются бежать.

Улица изгибается влево, уводя их на запад. По обе ее стороны стоят трех-четырёхэтажные дома купцов и лавочников. Обычно здесь довольно спокойно, но сегодня улица перегорожена цепью, вокруг которой отираются пятеро или шестеро человек с белыми крестами на шляпах.

Те идут вдоль улицы, заходя в одни дома и пропуская другие. В данный момент они заняты тем, что вытаскивают на улицу двух женщин и трех детей — первая женщина намертво вцепилась в дверной косяк, и один из мужчин монотонно лупит ее кулаком. Все увлечены этим зрелищем и поэтому не видят Вальсингама и Фэллоуза, которые обходят цепь и проскальзывают в первую попавшуюся открытую дверь.

Оказавшись внутри, они закрывают за собой дверь и запирают ее на засов. Они снова молча переглядываются в полумраке. Сказать им друг другу нечего.

Нужно уходить.

Они разворачиваются и бегут через узкий холл в заднюю часть здания. Дом принадлежит торговцу тканями: в одной из комнат находится его товар и разные сундуки, а также расставлены наклонные столики и лавки для подмастерьев. Низкая дверь выводит их во внутренний двор с высокими стенами, вымощенный кирпичом, в конце которого расположен сортир. На два места. Прямо над рекой. Отверстия здесь слишком малы, чтобы в них можно было пролезть. Они в ловушке.

Фэллоуз наконец не выдерживает.

— Черт, — вырывается у него.

Он невольно смотрит на дублет Вальсингама, под которым, как он знает, тот прячет документы. Им необходимо избавиться от них.

Страшно представить, что будет, если они попадут не в те руки. Англия окажется во власти Франции.

Но Вальсингам упрямо качает головой.

— Пока что рано, — говорит он. — Только если у нас не будет другого выхода.

Крыша.

Они бегут обратно в дом. Французы уже колотят в дверь. С каждым таким ударом с потолка валится пыль, и в щели вокруг дверной коробки пробивается свет. Они бегут наверх: один пролет ступенек, второй, дальше ведут только приставные лестницы для прислуги. Они карабкаются дальше; Вальсингам идет первым. Чем выше они поднимаются, тем потолки становятся ниже, окна — у́же, удобств все меньше. В конце концов они оказываются в полной темноте под скосом крыши. Фэллоуз втягивает наверх приставную лестницу и пользуется ею, чтобы пробить изнутри черепицу, осколки которой летят им на плечи. Чердак заливают солнечным светом. В одном углу за матрасом прячутся двое хнычущих детей с круглыми от страха глазами; здесь пахнет мышами и свежей мочой.

Мужчины по-прежнему не произносят ни слова.

Первым на крышу выскакивает Вальсингам. Утро обещает быть погожим, хотя на юге, в Сен-Марсо, разгорается пожар, и небо затягивается дымом оттуда. Он думает о своей жене, ребенке, о других людях в их резиденции. Сэр Филипп Сидни достаточно решительный и предприимчивый человек. Вальсингам подползает к краю крыши со стороны фасада и заглядывает вниз. Там продолжается резня: одни католики вытаскивают людей из домов — кого живым, кого уже мертвым, — другие ждут подкрепления в лице тех, кто прибежал из собора, чтобы вместе ломать двери.

— Принеси лестницу! — командует Вальсингам.

Фэллоуз протискивает ее в сделанное ими отверстие в кровле, после чего они карабкаются по ней на крышу соседнего, еще более высокого дома. Отсюда им виден северный берег Сены, расположенные там дворцы, замки и церковь Сен-Жерве, где все так же полным ходом идет кровавая резня. Люди охотятся за людьми. Одни трупы сваливают в кучи, другие просто бросают в воду.

Между домами в переулке есть немалый просвет, который может перепрыгнуть только хорошо подготовленный атлет, но они

преодолевают его с помощью лестницы; эта хрупкая конструкция из сбитых гвоздями досок, предназначенная для горничной и, возможно, детей, отчаянно скрипит под весом мужчин, которые переправляются по ней через переулок. Вальсингам скользит и, чтобы не упасть, хватается за перекладину лестницы. При этом он роняет шпагу, и она падает на каменную мостовую в пятидесяти футах под ними, где двое налетчиков распивают бутылку. Те вздрагивают и смотрят вверх, после чего истошно вопят и бегут по улице поднимать тревогу.

На крыше по другую сторону переулка на потертой старой веревке развешано выстиранное белье. Там также есть люк, но он заперт изнутри. Горячая черепица под их ладонями густо покрыта птичьим пометом, голуби взлетают из самых неожиданных мест. Они продолжают двигаться дальше уже с облегчением и даже мысленно хвалят себя за находчивость и такие успехи, но в этот момент раздается первый выстрел из ружья, и в теплом воздухе у них над головами свистит пуля. Остановившись, они смотрят друг на друга, а потом назад, откуда слышится новый хлопок; на этот раз стрелок попадает в стену рядом с Вальсингамом, и их осыпает осколками кирпича. На фоне неба видны выстроившиеся в ряд фигуры трех мужчин, над которыми вьется пороховой дым, а снизу подтягиваются и другие. Фэллоуз видит, что тех возглавляет их старый знакомый из церкви, только на этот раз он вооружен топором с короткой рукоятью.

Они ныряют за конек крыши и один за другим скользят по скату, тормозя каблуками по черепице, пока внизу не упрутся в невысокий бортик стены.

На этом терраса заканчивается.

— Господи, и что теперь?

Лестница здесь уже бесполезна, и они слышат, как по другой стороне крыши позади них карабкаются их преследователи.

Фэллоуз заглядывает вниз и чувствует, как от высоты у него кружится голова, а к горлу подступает тошнота.

До смерти от удара о булыжную мостовую при падении отсюда их отделяют каких-то футов пятьдесят.

— Мы должны прорваться внутрь, — говорит Вальсингам и начинает срывать черепицу, выкладывая ее наверх. Фэллоуз сразу ранит руку: через всю ладонь тянется глубокий порез. Он сыплет проклятиями, но не прекращает работу.

Солнце припекает, и даже здесь, наверху, слышен запах крови, доносящийся с улицы вниз. А может быть, это уже пахнет кровь Фэллоуза. Они продолжают срывать плитки черепицы, складывая их одна на другую. Следует еще один выстрел со стороны наступающих французов. Они не видят, откуда он сделан, но инстинктивно пригибаются. Внезапно шум возбужденных мужских голосов раздается уже намного ближе. Он идет откуда-то с соседнего дома — того, где на крыше развешено белье.

Но теперь они уже проделали достаточно большую дыру, чтобы через нее можно было проскользнуть в темноту чердака под ними.

Фэллоуз говорит Вальсингаму, чтобы тот лез первым.

— Я задержу их, — настаивает он. — Здесь узко, и они смогут двигаться только по одному.

Идея хороша, но Вальсингам на это не идет.

— Нет, давай ты первым.

Фэллоуз подчиняется и, спустившись в проделанное ими отверстие, наощупь движется среди потемневших от копоти стропил. Он слышит тревожный писк крыс, прячущихся под свесами крыши и за стенными панелями. Он становится на голые доски чердака: здесь тюфяки, набитые соломой и конским волосом, разбитый горшок, одинокая старая туфля; в незакрытое вентиляционное окно торопливо вылетают вспугнутые голуби. Через мгновение позади него появляется Вальсингам и, пошатнувшись, делает несколько неуверенных шагов.

— Я становлюсь уже слишком стар для таких вещей, — сокрушенно говорит он.

Они направляются вниз. Фэллоуз, который идет впереди, сталкивает приставную лестницу, чтобы можно было спуститься с чердака. Этот дом принадлежит зажиточному адвокату — здесь даже на самом верхнем этаже есть постели с пуховыми перинами, а стены украшены узорной драпировкой. Вся семья сейчас дома: они приникли к щелям между закрытыми оконными ставнями и с ужасом наблюдают за тем, что творится на улице. Теперь же все дружно оборачиваются и начинают кричать при виде двух перепачканных кровью и пылью мужчин с белыми повязками, один из которых сжимает шпагу. Вальсингам поднимает руку, чтобы успокоить их. Они с Фэллоузом не задерживаются здесь, а сразу бегут дальше, вниз по ступенькам.

Весь первый этаж отдан под адвокатскую контору, где одну из стен занимают полки, сплошь заваленные свитками документов. Ставни закрыты, а к двери прижались двое мужчин в скромных одеждах, которые выглядят очень напряженными. Повязок у них нет, но оба вооружены: у одного красивая, но бесполезная в данном случае шпага, у другого грубый, однако острый кухонный нож. Вальсингам поднимает обе руки миролюбивым жестом. Мужчины оборачиваются и застывают на месте с открытыми от удивления ртами.

На миг Фэллоузу почему-то кажется, что им удалось оторваться, что если они найдут в задней части дома выход на дорогу, они еще смогут вернуться к своей маленькой лодчонке, чтобы переплыть реку или спуститься вниз по течению, в район Исси, где они будут в безопасности. Но затем он слышит какой-то грохот наверху, чьи-то истошные крики и страшный топот сапог по ступеням лестницы.

Он поворачивается и бежит в заднюю часть дома; Вальсингам следует за ним по пятам. Они минуют небольшой кабинет, где их отчаянно облаивает визгливая болонка, а потом опустевшую кухню, где отчетливо пахнет беконом. Отсюда дверь ведет во внутренний двор, а там возле одной из кирпичных стен сложены в штабель дрова. Фэллоуз карабкается вверх, частично обрушивая эту шаткую конструкцию. Сзади раздается тихое проклятье: одно из сорвавшихся поленьев попадает Вальсингаму в голень.

Забравшись наверх, Фэллоуз усаживается на каменный забор. Внизу движется поток людей, которые в обоих направлениях проходят по мосту, ведущему на северный берег. Некоторые останавливаются, глаза на него. Он показывает повязку на руке.

— Гугенотское отребье! — заявляет он, подражая Вальсингаму.

Людей внизу это не убеждает. Вооруженные и очень опасные, они ищут, кого бы им убить.

— Оливер!

Это Вальсингам; он по-прежнему стоит во дворе и протягивает к нему руку.

Топот внутри дома сопровождается отчаянными воплями и скрипом сдвигаемой мебели. Преследователи рыщут по комнатам и движутся в их сторону. Фэллоуз наклоняется, чтобы затащить Вальсингама наверх. Острая боль из-за пореза на ладони пронзает его до самого локтя. Вальсингаму тоже удастся вскарабкаться на забор, и он

переваливается на улицу как раз в тот момент, когда во двор выскакивает головорез, за которым они гнались в соборе. Видя Фэллоуза на стене, он сразу направляется к нему. При этом он вопит от злости и ненависти, вскидывая вверх свой топор; сразу за ним уже следуют его подельники.

Фэллоуз перебрасывает через забор вторую ногу и спрыгивает на землю позади Вальсингама. Теперь они стоят перед десятком французских католиков, которые с любопытством разглядывают их; у всех повязки на рукавах и кресты на шляпах. Все они вооружены. Видимо, инстинктивно они обступили двоих англичан полукругом, прижав их к стене. Но не они сейчас представляют главную опасность. Настоящая опасность грозит им из-за этого каменного забора.

— Господин Вальсингам, — шепчет Фэллоуз, — думаю, сейчас самое время нам начать молиться.

— Оливер, — начинает Вальсингам, — я очень сожалею, что втянул тебя во все это. Не было нужды...

В эту секунду над краем стены появляется тот самый француз из собора. Он снова ревет от ярости и замахивается на них своим топором. Фэллоуз уклоняется и поворачивается к нему лицом. «Если мне суждено убить еще одного человека, — думает он, — то пусть им будет вот этот».

Однако, прежде чем он успевает что-то сделать, раздается громкий хлопок; голова француз резко дергается назад, а топор вываливается из пальцев. Затем он снова содрогается, и прямо в центре лба у него появляется нечто вроде третьего глаза. Человек этот падает по ту сторону забора.

Вальсингам и Фэллоуз дружно оборачиваются в сторону моста. В пятидесяти ярдах от себя у въезда на мост они видят закрытую парадную карету и примерно два десятка всадников. Рядом с кучером стоит мужчина, а бледный дымок указывает, что меткий выстрел был сделан именно им. Толпа на улице ахает и в страхе шарахается назад, тогда как преследователи внутри двора кричат и спорят, кто из них следующим должен показаться над парапетом. Всадники скачут в их сторону, и нападавшие мгновенно рассеиваются.

— Слава тебе, Господи! — с облегчением шепчет Вальсингам.

Это личная охрана короля Карла; все они одеты в экстравагантные желтые с синим ливреи и прекрасно вооружены пиками, алебардами

и ружьями; на них также шлемы и нагрудные латы — кирасы. Их командир криком и жестами отдает распоряжение не трогать Вальсингама и Фэллоуза. Фэллоуз едва не плачет от благодарности: никогда в жизни он никому так не радовался, как этим солдатам.

— Но ради всего святого! Что они здесь делают? — спрашивает он, пока они спускаются на дорогу. — И почему захотели спасти нас? Да и как они вообще узнали, кто мы такие?

— Месье. — Командир гвардейцев приветствует Вальсингама вялым прикосновением пальцев к козырьку своего шлема.

— Я перед вами в долгу, сэр, — отвечает Вальсингам. — И особо признателен вашему стрелку.

Фэллоуз чувствует, что после такой волны облегчения все тело его дрожит.

— Вам не стоит благодарить меня, месье, — говорит капитан. — Лучше поблагодарите ее.

Он показывает в сторону кареты.

— *Ее?*

Фэллоуз следует взглядом за его жестом. Шторка на окне опускается, и кто-то в красном машет им рукой. Это не призывный жест, как можно было бы ожидать, а скорее знак радости или даже ликования. Рука эта длинная, изящная и, безусловно, женская.

Фэллоуз и Вальсингам, оторопев, переглядываются.

— Господи всемогущий... — едва слышно выдыхает Фэллоуз.

Это Изабель Коше.

¹ Дублет — род верхней мужской одежды в Средние века, разновидность камзола. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Благодарственная католическая молитва «Тебя, Боже, хвалим» (лат.).

³ Трансепт — поперечный неф или несколько нефов, пересекающих продольный объем в крестообразных по плану зданиях храмов.

Глава 2

Париж, тот же день. 24 августа 1572 года

Когда госпожа Коше откидывает капюшон, оказывается, что она потеряла свою шляпку, а локоны ее волос — каштановых с чуть рыжеватым отливом — утратили свой первоначальный порядок. Фэллоуз чувствует, как у него пересыхает во рту, потому что эта красота относится к разряду тех, что способны заставить любого мужчину — а также женщину, ребенка, лошадь и даже собаку — замереть на месте и уставиться на нее; при виде нее все раскрываются и тянутся к ней, как маргаритка тянется к солнцу. Выждав несколько секунд, они получают вознаграждение: возможность согреться ее улыбкой, утонуть в ее бездонных карих очах, ощутить внутренний подъем благодаря ее вниманию, оказанному пусть даже на короткий миг. Но вот уже Фэллоуз сидит на скамье в карете, млея оттого, что колени их слегка соприкасаются. И хотя рядом с ними находится еще один человек и все смотрят в окно, шокированные теми ужасами, которые творятся на улицах, сейчас Фэллоуз все равно в значительной степени сосредоточен на собственной коленной чашечке.

— Как вы узнали, что это мы? — спрашивает ее Вальсингам.

— Я заметила вас на стене, — объясняет она. — И сразу подумала: «Боже правый, узнаю этот зад! Это же господин Вальсингам!»

Вальсингам краснеет.

— Да, выглядело это не слишком достойно, — признает он.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ